

Есть бомбежка, нет связи. Нет бомбежки, есть связь. Может быть, есть.

Она нацепила темные очки и осторожно выглянула в коридор. Там было пусто, и она проворно заперла свою дверь и постучалась в соседний номер. Произошло короткое шевеление, дверь распахнулась, и волосатая рука, схватив ее за майку, втянула внутрь так стремительно, что она чуть не упала.

Паника поднялась из живота и залила голову и горло. Стало нечем дышать, и сердце, кажется, разорвалось.

— Ты что? Обезумела? — спросил кто-то рядом. — Сколько раз тебе говорил, я сам зайду! Что ты шляешься, черт побери!..

Ольга потеряла стиснутое горло, подышала открытым ртом. Паника, как удав, чуть расслабила кольца, но совсем не отпустила. Впрочем, они все время жили, объятые этой паникой со всех сторон. От нее спасала только работа, которой, как назло, в последнее время было мало.

Есть бомбежка, нет работы. Нет бомбежки, есть работа. Да и то не всегда.

— Ники, — сказала Ольга и откашлялась, — ты меня напугал.

— Иди на фиг, — предложил оператор и ушел в крохотную комнатку, точную копию ее собственной, сел там на кровать и стал обуваться, вид у него был сердитый. Из-за майки вывалился крест и качался на широкой цепочке у него под носом. Он сгреб его и закинул обратно. Шнурки на армейских ботинках были непомерной длины, и Ники пыхтел, старательно и замысловато завязывая.

Он сам придумал себе это идиотское имя, похожее на кличку собаки колли. Его звали Никита Беляев, вполне прозаично и очень по-русски. Свое прозаичное русское имя он почему-то терпеть не мог, особенно после «выхода на экраны» одноименного сериала с белокурой

бестией в главной роли, и долго придумывал, как бы его изменить на иностранный манер. И придумал.

Ники, ужас какой-то!..

Ольга подошла к окну и, чуть раздвинув полоски древних жалюзи, посмотрела на улицу. Под козырьком гостиницы стоял БТР, и еще один за желтым углом соседнего дома. Бородатые афганцы в платках в точно таких же ботинках и камуфляже, как у ее оператора, сидели вокруг БТР на корточках.

— Когда же это кончится, твою мать... — бормотал у нее за спиной Ники, прилаживая шнурки.

Ольга отпустила полоски и вытерла о джинсы пыльные пальцы. Пыль была везде — на мебели, простынях, подоконниках, в ушах, в горле, в волосах. Синий кофр «Бетакама» казался серым из-за нее. У Ники в глазах появилось страдание, когда он смотрел на кофр. Камеру он жалел больше, чем себя, — как все высококлассные операторы.

— У тебя осталась вода?

— Одна канистра и еще чуть-чуть. А кофе есть?

Ники кивнул на тумбочку, и Ольга посмотрела. Кофе в банке был, даже довольно много, и она чуть-чуть воспрянула духом.

— Только света с утра не было, — сказал Ники и почесал затылок, а потом живот под майкой. Они все время чесались, как вшивые. — Как его кипятить без электричества?

Ни на что не надеясь, Ольга повернула резиновый тумблер древнего советского выключателя — все здесь было советским или американским, даже выключатели, — и голая лампочка под потолком засветилась тусклым желтым светом, нервически задрожала тоненькая проволочка внутри стеклянной колбы.

— Дали! — восхитился Ники. — Ну, не иначе сегодня праздник у них большой. Ты не знаешь, что они сегодня отмечают?

Он поднялся с кровати, потопал ботинками, прове-

ряя, хорошо ли они наделись и надежно ли зашнурованы, — иногда от этого зависела жизнь.

Можешь бежать, останешься в живых. Не можешь, останешься лежать на чужой желтой пыльной земле. Боб Фелтон погиб, потому что не мог бежать так быстро, как надо, — у них на глазах упал лицом вперед, и камера отлетела в сторону, подпрыгнула и повалилась набок, как будто тоже подстреленная, и Би-би-си потом долго пыталась получить его тело, но так и не получила. Неизвестно почему афганцы решили его не отдавать, и Боб навсегда остался здесь — в твердой, как камень, растрескавшейся желтой земле. Впрочем, если похоронили в земле, значит, ему крупно повезло.

Боб говорил, что больше всего на свете ему хочется английского пива. Просто пива и больше ничего. И еще он говорил про свою лошадь, только Ольга позабыла ее имя, какое-то замечательное имя, то ли Изумруд, то ли Кристалл. У него был титул — герцог, кажется, или граф, — и всех это почему-то очень веселило, и его самого тоже.

«Британия потеряла одного из своих лучших сыновей», — печально констатировал ведущий новостей Би-би-си в программе, посвященной операции «Буря в горах», — и все. Жизнь и смерть Боба Фелтона больше никого не интересовали.

Ну и что? Погиб при исполнении служебных обязанностей. Это просто такая работа.

— Я принесу воды, а ты запри за мной дверь, — распорядился Ники, перестав чесаться. — Стой и слушай. Я постучу три раза, тогда откроешь.

— У тебя паранойя.

— Я жить хочу. Меня Бахрушин на проходной повесит, если с тобой что-нибудь...

— Ладно, заткнись, — перебила Ольга довольно резко. О Бахрушине думать было никак нельзя. У нее почти все время получалось не думать и только иногда ничего не выходило.

— Давай!

Она кинула ему ключи, он поймал, выскочил за дверь и пропал. Ольга задвинула хлипкую щеколду — как будто это сможет их от чего-то уберечь! — и прислушалась. В коридоре было тихо. Под окном хохотали давешние афганцы. Пахло гарью вчерашней бомбежки — дождь прибил дым к земле, сегодня трудно будет дышать.

Впрочем, здесь всегда трудно дышать.

Вернулся Ники, стукнул три раза, и она ему открыла.

— Давай быстрее, а то свет выключат. Может, мне пока побриться?..

Ольга налила воды из канистры в литровую банку — каждому по полторы кружки, — сунула кипяtilьник и оценивающе посмотрела на Ники. Он весь зарос светлой щетиной, белые, сильно выгоревшие, отросшие кудри торчали в разные стороны. В обычной жизни ее оператор был почти наголо брит, может, поэтому сейчас выглядел как-то особенно дико.

— Побрейся, — решила она, — только все равно это как-то... неконструктивно.

— Почему неконструктивно? — спросил Ники из ванной. В трубах засипело и затряслось, словно кто-то пытался выдрать их из пазов. Ники негромко выругался.

— Завтра опять зарастешь, а бриться будет негде.

— Да ла-адно! Завтра будет завтра!

— Телефон не работает. — Ольга смотрела, как крохотные воздушные пузырьки облепляют спираль кипяtilьника, отрываются и поднимаются наружу.

— Подумаешь, бином Ньютона, — пробормотал Ники невнятно, наверное, от того, что рассматривал в крохотном зеркальце свою небритую шею. — Он уже сто лет не работает.

— Не сто лет, а десять дней.

Десять дней связи не было — кроме спутника, кото-

рый время от времени выходил из тени, и тогда им удавалось передать очередной сюжет. В корпункте еще до войны обещали специальный спутниковый телефон и надули, конечно. То есть дали, но с этой линией моментально что-то случилось, наверное, так и было задумано — в начале войны с корреспондентскими линиями обязательно что-нибудь случается. И цензура, цензура, твою мать!.. Чего только они не делали, чтобы ее обойти, чтобы снять хоть что-то, отличное от «официальной точки зрения», на какие ухищрения ни пускались! Особенно старались сиэнэновцы, которым «официальная точка» совсем не годилась. Время от времени их высылали, и появлялись следующие. Ольга удивлялась — сколько у них там желающих снимать войну!

Пузырьки от спирали кипятильника отрывались все быстрее, всплывали и лопались. Ольга наблюдала.

— Ну чего? Еще не кипит?

Ники хотелось кофе. Еще ему хотелось яичницы с сосиской и свежим черным хлебом. Помидора хотелось невыносимо. А еще помыться и спать — несколько суток подряд, и чтобы не бомбили.

Он протиснулся мимо столика, на котором закипала вода, раздвинул полоски жалюзи, как давеча Ольга, и посмотрел на улицу. Гор не было видно, сплошные облака. Даже соседнего дома, наполовину снесенного «скастом», не разглядеть.

Дождь, туман, запах гари, арабская речь.

Ему вдруг показалось, что среди удручающе одинаковых бородатых лиц он увидел знакомое, которому вовсе не следовало там находиться, и это было странно.

— Оль!

— Что?..

— Подойди! Быстро только!

Она подошла и оказалась у него за плечом. Он слышал, как она дышит, легко и редко. Тонкие пальцы взяли его за майку — он скосил глаза. Розовые женские

пальцы на его черной пыльной майке в белых разводах от пота.

Будь оно все проклято.

— Что, Ники?

— Вон справа, видишь, на броне?

Она еще придвинулась.

— Вижу. И кто это?

— Не Масуд ли, часом?

Ольга сбоку посмотрела на Ники, очень близко, но он выдержал характер и поворачиваться не стал — не заметил как бы! — и она опять глянула на улицу.

Человек в камуфляже, в распушенной пестрой козынке, с «калашниковым», болтавшимся на бедре — он все время придерживал его рукой, — был похож и не похож на корреспондента агентства «Аль Джазира».

— Ну чего? Он? Не он?

Ольга пожала плечами:

— Черт его знает. Может, и он.

Ники отпустил жалюзи и вытер о штаны пыльные пальцы.

— Так мы с ним на север поедем? — осведомился он мрачно. — И где тогда наш «калаш»? Или что? У него есть, а у нас нет? Так нечестно.

— Это точно, — пробормотала Ольга и посмотрела на банку. Вода в ней кипела белым ключом. Пусть покипит пять минут — на всякий случай.

— Надо этих найти, из «Рейтера», которые с нами едут.

— Найдем.

— А есть чего будем?

— Чего-чего!.. Консервы!

— Вот они у меня где, эти консервы! — злобно сказал Ники и попил себя по свежесбритой шее. Лицо от лба до скул было сильно загорелым, ниже тоже загорело, но меньше, от этого казалось, что верхняя часть лица у него намного грязнее нижней. Впрочем, Ники, наверное, не тратил драгоценную воду на умывание. Ку-

пить можно было только кока-колу, которой умываться нельзя, да и пить опасно.

— С какой точки снимаем?

— Да ни с какой! Разве они дадут снимать откуда-нибудь!

— Значит, опять дворец?

Съемки разрешались только на фоне разбомбленного президентского дворца, очень живописно, если не каждый день.

— Опять, Ники. Что ты спрашиваешь, когда сам все знаешь!

— Я знаю все, — подтвердил оператор и выдернул желтый шнур кипятильника. — У меня галеты есть. Будешь?

— Буду.

Некоторое время они молча пили кофе и хрустели галетами, как две собаки улучшенным кормом «Чаппи».

Ольга стряхнула крошки с колен и заглянула в свою кружку. Кофе удручающе быстро кончался. Ники наблюдал за ней.

— И как это тебя Бахрушин отпустил?.. — вдруг задумчиво спросил он и поболтал в кружке ложкой. — Был бы я Бахрушин, ни за что бы не отпустил.

— Вот потому ты — не он, Ники!

— Это точно.

В дверь загрохотали, так что вздрогнули древние жалюзи на окнах, и паника приналегла на грудь и горло, сжала пыльные холодные кольца.

Впрочем, те, кто на прошлой неделе увез из гостиницы американскую девушку-фотографа, которую с тех пор никто не видел, не стали бы стучать.

Ники преувеличенно осторожно поставил на стол свою кружку, чтобы не расплескать ни капли драгоценного кофе, и шагнул к двери, кося напряженным глазом. В кулаке у него что-то блеснуло, и Ольга вдруг поняла, что это... нож.

Господи Иисусе!..

— Ники!..

— Ти-хо! — одними губами приказал он, бесшумно прыгнул и прижался спиной к стене. В дверь опять постучали, правда, немного тише. Ники мотнул головой, что означало — открывай! — и Ольга отодвинула щеколду.

Все его прыжки и ужимки напоминали боевик под названием «Спецназ» — там тоже так прыгали и гримасничали.

В коридоре произошло какое-то шевеление. Потом осторожный голос сказал негромко:

— Мужики! Вы здесь?!

Оператор молниеносно выбросил руку с ножом, и как давеча Ольгу, схватил посетителя за майку и втащил внутрь. Лезвие тускло сверкнуло у самой щеки незваного гостя.

— Твою мать!..

Человек ввалился в комнату головой вперед, сделал несколько торопливых шагов, чтобы не упасть, и почти уткнулся носом в стол, на котором стояла кружка. Ничуть не обескураженный бесцеремонным обращением, он повел носом, живо понюхал, схватил кружку и сделал большой глоток.

— Поставь на место!

— Да ладно!

— Поставь, тебе говорят!

Посетитель еще раз торопливо хлебнул, утер губы и сказал насмешливо:

— Ники, ты жадина! Вот Оленька не такая! Ведь правда? Я знаю, что ты ничего не пожалеешь для друга. Для своего старого друга! А, Оленька?

— Я тоже жадина, — буркнула Ольга, забрала со стола кружку и сунула ее Ники. Борейко и без кофе обойдется.

Все знали, что Толя каким-то волшебным образом умел добыть все, что угодно, даже в осажденном Кабуле. Поговаривали о его связях с контрабандистами и тали-

бами, с узбеками и пакистанцами — впрочем, журналисты всегда склонны усложнять, выдумывать, «играть в детектив». Может, он просто оборотистый и ловкий, этот самый Толя Борейко, корреспондент агентства «Интерфакс».

— А у меня телефон сдох, — поделился Толя, покосился на Ники и усмехнулся. Оператор даже не хлебал, а словно лакал кофе, торопливо, словно боялся, что у него отнимут драгоценную кружку. Толе совсем не хотелось кофе — он мог пить его сколько угодно.

— У всех телефоны сдохли, — пробормотала Ольга.

Афганцы все хохотали под окнами. Они или хохотали, или стреляли, или кричали гортанными, как будто раздраженными голосами — казалось, что вот-вот подерутся. Ольга никогда не видела, чтобы они были спокойны.

— Так у меня спутниковый! Детям такие в руки не дают.

— Дети — это мы?

— Оленька, что ты там высматриваешь, за окошком? Вот лично я ничего хорошего там никогда не видал. Посмотрела бы на меня, лапонька.

— Нет, спасибо, Толь, я лучше в окошко.

— Тебе нравятся бородатые мужчины в платках?

Человек в пестрой косынке, похожий на корреспондента «Аль Джазиры», куда-то делся с БТР.

— Ники, а что это у тебя с мордой?

— В каком смысле?

— Грязная вроде.

Ники вытянул шею и уставился на свое отражение в мутной полировке гардероба. Дверь, словно следуя за его взглядом, вдруг приотворилась с медленным скрипом, и Ники отшатнулся.

Паника, словно атакующая змея, выметнулась из гардероба и зашаталась перед их лицами, разинув отвратительную пасть.

Ольга почувствовала, как по виску проползла капля пота.

— Вы чего? — оторопело спросил Толя Борейко. — Или у вас тут привидения... обитают?

— Черт знает, кто тут обитает, — пробормотал Ники, прицелился и ногой захлопнул дверцу гардероба. Паника пропала за ней, будто ее и не было вовсе.

— Ну, вы даете. — Толя даже головой покрутил в знак того, что несказанно удивлен тем, как они «дают». — Нервные все какие-то стали.

Ники молчал. Ему было стыдно, что он так перепугался. И стыдно, что Ольга это видела.

С нервами на войне дело вообще обстоит не слишком хорошо, прав Борейко. Как там это называется, в другой жизни, — ПТС?.. ПСС?.. — ужасная штука, замучившая американцев после войны во Вьетнаме! В кино это выглядело очень трагично — небритые парни, на костылях или без, проводящие все свое время в кабаках и публичных домах, сбивающиеся в стаи или пропадающие поодиночке. Кажется, это называлось «сломаться». «Он сломался после Сайгона» — произносить следует низким, сочувствующим голосом, отводя глаза.

Ники не хотелось «ломаться», но нервы были и впрямь на пределе.

— Вчера конвой пришел, — сообщил Толя. Покопался двумя пальцами в хрустящем пакете, на дне которого болтались остатки галет, выудил какой-то обломок и решительно отправил в рот. — Из Ходжа-Багаутдина. Девчонки красивые приехали.

— Какие девчонки? — встрепенулся Ники, очень озабоченный поддержанием собственного имиджа Казановы. В Кабуле этот имидж пропал зря и, можно сказать, уже почти совсем пропал.

— Француженки, — Толя осмотрел свои пальцы и аккуратно отряхнул с ладоней крошки.

Ники огорчился:

— Да от них никакого толку!

— Конечно, никакого.

— А чего ты тогда говоришь?!

— Так просто.

Ники запустил пятерню в кудри и энергично там почесал. Ольге его затея с отращиванием кудрей в воюющем Афганистане решительно не нравилась, но она благоразумно помалкивала. Знала, что как только начнет учить его жизни, он моментально упрется рогом и сделает что-нибудь гораздо более бессмысленное — например, станет отращивать еще и бороду.

Его упрямство можно сравнить только с его чудовищным профессионализмом — если таковой может быть чудовищным.

Кроме того, в нем жил еще «дух противоречия», в полной гармонии с которым он всегда делал не то, чего от него ожидали, а то, что считал нужным, и «собственные взгляды» тоже присутствовали. Эти «взгляды» Ольгу очень забавляли, если не подавались в слишком больших количествах, как баклажаны в армянском ресторане «Ноев Ковчег» в тихом и старом центре тихой и старой Москвы.

Почему-то только из такого далекого далека, как Кабул, Москва казалась тихой и старой. И баклажанов захотелось невыносимо.

— А я вчера ванну принимал, — похвастался Ники неизвестно зачем и на секунду перестал чесаться.

— В АСТЕД ездил?! — ахнула Ольга.

Только в домике АСТЕД — международной организации, строившей в Афганистане дороги, — можно было помыться. Наверное, этот домик войдет в историю как самое популярное среди всех работавших здесь европейцев место. Чтобы попасть внутрь, надо было постоять или посидеть на полу в длинной очереди. Непосредственно ванная — грязная комнатка с серыми цементными стенами и двумя баками, с горячей и холодной водой, и несколько металлических кувшинов. Самое главное попасть внутрь. Попал — как будто в рай. Можно мыться или чистить зубы.

Бахрушин, наверное, и не подозревает, какое это счастье — почистить зубы...

— А вы правда на север едете?

Ольга пристально взглянула на корреспондента «Интерфакса».

Вот зачем ты пришел. За информацией. Тебе до смерти любопытно, куда мы едем, с кем и зачем. Любопытно «по-журналистски» — как же, вдруг пропустишь что-то важное и интересное, и «чисто по-человечески» — слухи об их с Ники романе будоражили не только коллег «на местах», но и московское бюро тоже. В последнем телефонном разговоре главный редактор Костя Зданович что-то уж больно игриво расспрашивал, как там Ники, — словно не мог спросить у него сам! — и эта игривость резала Ольге ухо, сверлила прямо.

Косте Здановичу в Москве кажется, должно быть, что Афганистан — это сплошная романтика, слегка подсоленная опасностью и сдобренная восточными пряностями в духе Ходжи Насреддина!

Ошибается Костя. И относительно романтики, и относительно Ники.

Никакой романтики. Никакого Ники.

Толя Борейко помолчал и, так как никто ему не ответил, спросил снова, теми же самыми словами:

— А вы правда на север едете?

Он мог так спрашивать до бесконечности — Ольга знала.

Однажды они снимали пресс-конференцию министра МЧС, который долго и старательно не отвечал на Толин вопрос, а Борейко все повторял и повторял его — слово в слово! Министр в конце концов озверел и велел ему катиться с этим вопросом и даже уточнил, куда именно, и вышел небольшой скандал, который в конце концов замяли.

С тех самых пор министр МЧС, по слухам, каждый раз интересовался, кто будет на конференции от «Интерфакса», и если ему отвечали, что может быть и Борей-

ко, министр весело сообщал своей пресс-службе, что тогда пусть она, то есть служба, катится туда же, куда он чуть было не отправил Толю.

Вспомнив про министра, Ольга улыбнулась.

Он был молодой, решительный, сердитый и веселый — самый лучший из всех известных ей министров, а уж она-то их повидала, как любой высокоуровневый журналист! С Бахрушиным министр дружил, и они даже один раз ездили куда-то на своих громадных, тяжелых, вездеходных машинах, напялив куртки и болотные сапоги, и там, куда приехали, сидели на берегу чистой и быстрой речки и до утра разговаривали о делах. На их мужском языке это называлось «вырваться на рыбалку».

Ольга сидела с ними только до полночи, а потом ушла в домик спать и до рассвета сквозь сон слышала, как они хохотали. И деревья шумели высоко-высоко, и холодно было, и тяжелые капли стучали в крышу, и костер трещал, и река под горой перекатывалась по камушкам. Под двумя одеялами было тепло, только нос все время мерз, и она, как собака, зарывала его в подушку. Ей как-то очень радостно и легко дремалось под этими самыми одеялами, и ночь была глухая, совсем осенняя, и Ольга все время помнила, что завтра еще один выходной, а в Москву они вернутся только в понедельник, до которого целая жизнь!..

А потом пришел Бахрушин и разбудил ее грохотом своих сапожищ.

И, не открывая глаз, она слушала, как он топает и сопит, сдирая с себя свитер и джинсы, и это так ее волновало!.. Он повалился рядом, полежал и стал решительно раскапывать одеяла, раскопал и обнял ее, — у него была прохладная кожа, и щеки, колючие от щетины, и от него пахло дымом, осенью, одеколоном и чуть-чуть спиртным.

Он долго целовал ее холодными, настойчивыми губами, и прижимался щекой к виску, и гладил ее горло, и

за ухом, где она особенно любила, а потом зачем-то спросил:

— Ты спишь?..

И у него был странный, перехваченный голос, как будто он тоже сильно волновался...

Вдруг сейчас ей показалось, что ничего этого не было.

Она все придумала. Оттого, что сильно устала за эту командировку, оттого, что бомбили каждый день, что выключился телефон, оттого, что приперся Толя Борейко, испортил настроение.

— А вы правда на север едете?

— Правда! — гаркнул Ники. — Мы! Едем! На север!

— А кто везет?

— Никто не везет. Мы сами себя везем.

— А машину где взяли?

«Взять» машину было невозможно, и все это знали. Все местное население от мала до велика делало бизнес на приезжих, и населению было абсолютно наплевать, что это за приезжие — журналисты, военные, гражданские, строители, врачи без границ — «и без мозгов», прибавлял обычно Ники, — кто угодно.

Машина до Панджера — шесть тысяч долларов. Не хочешь платить, не поедешь, а ехать надо, и мало того, еще оборудование везти — камеру, генератор, монтажный стол. Будешь выламываться, скажут — семь. Или десять, им все равно, кто-нибудь да поедет, а им не к спеху. Некий документ местного МИДа, разрешающий выезд из Кабула, стоил двести долларов с каждого выезжающего, если официально, и еще нужно выстоять очередь в несколько дней, из которой нельзя уйти, записав номерок на ладони. Можно заплатить триста, и документ выдадут без очереди. А еще бумаги и разрешение на оборудование! А еще бензин, вода и жилье, за которое тоже нужно платить! Например, номер в данной гостинице стоит примерно как пятизвездочный люкс в Мос-

кве. Всем приходилось раскошелиться, чтобы снимать войну.

Кому война, а кому мать родна...

Вот умная и, главное, свежая мысль.

— И чего?! Кто платит? Бахрушин, что ли?! — продолжал недоумевать Толя Борейко. — Да нет, ребята, что-то вы мне темните!

— Это неправильно, — лениво поправила его Ольга. — «Мне темните» не говорят.

— Да нет у Российского телевидения таких денег и не было никогда! За ваши разъезды платить!..

Толя был настоящий журналист, и мысль о том, что коллеги-конкуренты могут его обскакать, казалась ему невыносимой.

— Да какое тебе дело, кто за нас платит?! — из ванной крикнул Ники. Кажется, он опять рассматривал себя в зеркале, искал следы былой молодецкой удачи.

И девицы, только что приехавшие из Ходжа-Багаутдина, оказались француженками — что толку от этих француженок!.. Расстройство одно.

В их поездке была небольшая тайна, но открывать ее Толе Борейко они не собирались. По крайней мере, Ольга так поняла своего оператора, засевшего в ванной, а главным «носителем тайны» был именно он.

— На базар надо сходить. Слышишь, Ники?

— Чего ты там не видала? Тазы с кувшинами? Воды все равно нет.

— Там хлебушек, — пробормотала Ольга и сглотнула — вдруг очень захотелось хлеба. — Лепешки.

Ники выглянул из ванной, вид у него был недовольный.

— Я один схожу. Без тебя.

Толя Борейко основательно уселся на шаткий металлический стул, крепко взял себя за колени — и наострил уши.

Недаром об их романе с Ники говорили все заинтересованные лица не только в Кабуле, но и в Москве.

Говорили и жалели Бахрушина.

...А что он может? Ей вожжа под хвост попадет, она и начинает вытворять, чего ей охота! В прошлом году в Антарктиду летала, а теперь вот в Афган понесло ее! Книгу написала, читали? Да ладно, все читали! Ну и что? Особенная какая-то книга, что ли? Да ничего особенного, книга как книга. Тогда почему ее напечатали?! И целое событие было, по телевизору показывали, а теперь говорят, что ей премию какую-то дадут, то ли Пулитцевскую, то ли Букеровскую, шут ее знает. А все из-за чего? Из-за того, что спит со всеми — и с тем, и с этим, и еще вроде с министром печати и с эмчээсовским, и с генеральным продюсером, и еще с кем-то, от кого зависит... А вы не знали?! Да она ни одного мужика не пропустит, у нее, наверное, как у этих... которые зарубки на кровати делали, кто это такие были? Потащилась вот в Афган, а он отпустил, Бахрушин-то, как он может ее остановить?! А ей все мало — небось Нобелевскую теперь подавай, премию-то. Феминистка, блин. Профессионалка.

Бедный Бахрушин. Не повезло ему.

Ники из-за двери в ванную еще поизучал ее, а потом опять скрылся. Им надо было бы поговорить, а Толя мешал.

Впрочем, не к спеху. Поговорить они еще успеют.

Хотя можно и не успеть. Дней десять назад «томагавк» снес у гостиницы правое крыло — ошибка вышла, извиняйте, граждане журналисты, промазали мы. Про американские карты, на которых обозначено все вплоть до форточек в сортирах, мир узнал, когда какой-то бравый капитан со своего «Бигфайера» взял да и саданул по японскому посольству.

Тоже ошибся, видимо. Хотел по какому другому садануть, а вышло по японскому.

Человечество содрогнулось. Мир замер.

Ждали катастрофы — во вселенском масштабе.

Лидеры держав по очереди проямлили, что они

тоже предпочли бы, чтобы капитан саданул по какому-нибудь другому посольству, попроще, но изменить ничего было нельзя.

Во вселенском масштабе обошлось, — выдержав тяжеленную паузу, чтобы все как следует прочувствовали близость пропасти, японцы холодно приняли холодные американские извинения.

...Перед журналистами никто не извинялся — выразили соболезнования семьям погибших, мировые новостные каналы показали дымящиеся развалины и испуганных людей в джинсах и майках, кучками стоявших вокруг в серых и плотных клубах пыли.

Ольга тоже там стояла. Телефон тогда еще работал, но от шока она забыла сразу позвонить и потом долго не могла понять, в чем дело, откуда длинные свербящие звуки — как будто из середины черепа.

Звонил Бахрушин, посмотревший видео WTN.
— Ты жива?

Она знала, что сигнал идет долго, и ей вдруг представилось все это — как висящий над другим континентом спутник сейчас примет сигнал от ее телефона и в нем будет что-то мигать и шелкать, передавая сообщение дальше. Антенны наземных станций подхватят его, развернув острые решетчатые носы, и погонят дальше на запад, на запад и потом на север, через горы, леса, города, пустоши и болота, в которых зреет клюква, и пахнет мхом и хвоей, и сеет мелкий дождь, — и дальше, дальше.

А там, вдалеке, «дворники» мотаются по стеклу, и в приемнике звучит песня про любовь, и в мокром асфальте дрожат огоньки машин, и заваленный бумагами стол в кабинете, и привычные сигареты, пиджак на спинке кресла и нагревшаяся тяжелая трубка телефона в ладони.

Он звонил и не знал, жива ли она, или то, что от нее осталось, тоже там, в пыльных обломках, которые уже не разобрать; не знал, что кровь в пыли становится черной,

как будто сворачивается. Только если наступить в лужицу, изнутри брызнет алым. Он звонил и ждал, ответит она или нет.

Сигнал идет долго, и надо пережить, переждать, глядя вниз, в пропасть московского асфальтового двора, на окна соседнего крыла, освещенные желтым светом, и понимать совершенно отчетливо — все это имеет смысл, только если она сейчас ответит.

А она сразу не позвонила, потому что у нее был шок.

Если сегодня будет связь, она скажет ему, что любит его больше жизни.

Прямо так, прямо вот этими самыми словами.

И наплевать на шум аппаратной, который всегда слышно в наушнике, и истерические вопли выпускающего, и вой спутника, и на то, что там тьма народу — прямой эфир в федеральных новостях, шутка ли! Но она все равно скажет — он ведь там, и Ольга это знает, а больше ей ничего не нужно.

Почему она никогда не говорила, что любит его?!

Чертов характер.

— Чертов характер, — повторила она вслух.

— У кого?

— Что — у кого?

— Характер. У кого?

— Толь, — попросила Ольга, — дай мне сигарету.

— Я не курю, — весело удивился Толя Борейко, — ты что, забыла?

Курили все, кроме Толи. Он, конечно, заботился о своем здоровье — как это она позабыла?!

Афганцы опять загалдели под окнами, Ольга все пыталась расслышать, на каком языке они говорят. Здесь много языков — таджикский, пушту, фарси и дари. Впрочем, кажется, дари — это не отдельный язык, а диалект. Чем-то они друг от друга отличались, но разобраться было трудно.

Ники выучил два слова: ташакор — спасибо, хоп — хорошо, договорились — и пользовался ими виртуозно.

Он протиснулся из ванной мимо Толи и сунул Ольге пачку сигарет.

— Спасибо.

— Не за что.

Хороший, вежливый мальчик. Заботливый.

Бахрушину, наверное, не десять, а уже сорок раз доложили, что у них роман, а как же!..

— Ну ладно, — заключил Толя, поднялся и недовольно поморщился в сторону Ольгиной сигареты, — я пойду тогда. Да, Ольга, я чего пришел-то! Тебе с конвоем посылка пришла. Из Парижа. У тебя там есть кто-то?

— Где?! В Париже?!

— Съезди в корпункт Евровидения. Мне вчера ребята сказали, что там ее оставят.

— Да что за ребята?!

— Не знаю. Просили передать. А что там, от кого, я не знаю. У тебя чего, и в Париже свои?

В Париже было много разных людей, в разное время имевших к Ольге разное отношение, но она только пожала плечами.

— У вас эфир сегодня?

Ники пожал плечами и опять почесался.

— У нас-то эфир, а там кто знает. Человек предполагает, а тут только Аллах располагает.

Толя дико на него взглянул, пошел было к двери, но остановился, подхватил мятую пачку из-под галет и покопался в ней, как будто проверял, сколько там еще осталось.

— Давай-давай!

Толя быстро ссыпал крошки в рот и выбрался в коридор. Ники закрыл за ним дверь и посмотрел на Ольгу. Та приложила палец к губам, и они секунду молчали.

— На базар надо идти, — от двери сообщил Ники. — Есть охота. И за посылкой. Как ты думаешь, сигарет прислали?

— Да я вообще не очень понимаю, кто и что прислал.

— А колбасы?..

Ники любил колбасу с черным хлебом, и еще сыр, и крепко заваренный кофе. И чай, хорошо бы большую кружку, очень много заварки и очень много сахара.

— Придется тебе со мной ехать. Если она на твое имя, мне не дадут.

— Поеду.

У Ники был «Лендровер» — все сотрудники Би-би-си ездили на «роверах», и именно в этом и заключалась страшная тайна, в которую были посвящены Ольга и Бахрушин, а больше никто.

Ники работал не только на Российское телевидение, но и на Би-би-си.

Он в самом деле был классным оператором, и англичане предложили ему заключить контракт перед самой войной. И он согласился, потому что это был сказочный шанс — стрингер мировых новостных компаний отличается от простого российского журналиста, как зеленый дипломатический паспорт отличается от «серпастого и молоткастого». У него были всевозможные ксивы, и разрешенные доступы куда угодно, и бумажка с просьбой о содействии, подписанная каким-то высоким английский военным чином. Кроме того, у него еще была машина, за которую не надо платить шесть тысяч долларов, потому что ее честно выдали в корпункте Би-би-си, и спутниковый телефон, и постоянная линейка для выхода в эфир — мечта любого журналиста.

Работа на иностранцев подразумевала «право первой ночи». Никто, кроме Би-би-си, не мог посягать на отснятые Беляевым материалы, а он как-то ухитрился мухлевать — снимал для Российского телевидения. Бахрушин его об этом еще в Москве попросил, и он согласился.

Вот этого Ольга никак не могла понять.

Она потом несколько раз приставала к оператору с неизменным вопросом, почерпнутым из фильма всех времен и народов под названием «Покровские ворота»:

— Савва, а зачем тебе нужно, чтобы я у вас жил?!

Но он только хохотал, показывал крупные белые зубы — и не отвечал.

Так и осталось невыясненным, зачем это нужно «Савве», то есть Ники. Если бы в Лондоне узнали, выгнали бы его немедленно. Если бы прознали в Москве — кто-то, кроме Бахрушина, — выгнали бы немедленно. Куда ни кинь, всюду клин.

Но Бахрушин попросил, и Ники согласился.

Наверное, это было что-то из «особого мужского мира», в правилах которого, не будучи мужчиной, разобратся невозможно.

Трудно найти оператора, который сумел бы хорошо снять войну. Еще труднее найти такого, который согласился бы снимать войну. И невозможно сделать это быстро. У Бахрушина не было выхода — Ники позвали на Би-би-си примерно недели за две до войны, — и оказалось, что отправлять в Кабул решительно некого. То есть были несколько патлатых, худосочных и гениальных юнцов, мечтающих о мировой славе — «Быть может, меня наградят. Посмертно», — но Бахрушину они никак не годились.

Ольга не припомнит больше ни одного случая, чтобы оператор так работал — и нашим и вашим, — но Ники это как-то удавалось.

Если станет известно в Москве, все скажут, что Бахрушин его «подставил», потому что он любовник его жены.

Ужас.

Ники любил это слово, и Ольга иногда повторяла его за ним.

— А Толян-то, — сказал Ники издалека, — приперся! Все ему знать надо, куда мы едем, да зачем!..

— А как же? Он проворонить боится, вдруг нам Бен Ладен интервью обещал. Мы снимем и прославимся.

— Сказал бы я, чего он и кому обещал, да воздержусь пока. Здесь женщины и дети.

Ольга усмехнулась.

— Ну что? Сначала за посылкой, а потом сюжет, или сначала сюжет, а потом за посылкой?

— Как хочешь, Ники.

— Что важнее, — продолжал веселиться оператор, — деньги или стулья? Утром деньги, вечером стулья. Утром стулья, вечером деньги.

— Ники, ты что? Обалдел? Какие стулья? Какие деньги?

— Я давно обалдел. Какого хрена я на эту войну езжу?! Да еще на чужую? Вот чего мне не хватает? Почему я не могу, как все люди, снимать ток-шоу «Все дело в перце, или Поговорим про это»? Куда меня несет?

— Я не знаю.

— А кто знает?! — спросил Ники оскорбленным голосом. — Дед Пихто?!

— Должно быть, ты рвач и выжига, — предположила Ольга лениво. — И деньги для тебя самое главное в жизни, и страсть к стяжательству и наживе в твоих мозгах затмевает все остальное.

— Я рвач и выжига, — согласился Ники. — Это всем известно, хоть у кого в «Останкино» спроси. Но жизнь-то одна!..

— Это точно.

— А тогда зачем мне...

— Ты мне надоел, — перебила его Ольга. — Давай поедем уже, если ты рассмотрел себя в зеркале.

— Да я и не рассматривал.

— Да ты только и делал, что собой любовался. Толя Борейко чуть шею не свернул. Наверное, решил, что ты голубой.

— Может, он сам голубой. А, говорят, знаешь, кто голубой?..

— Ники, мне наплевать, кто голубой, а кто зеленый!

— Ну вот, — пробормотал оператор и выдвинулся на середину комнаты — пятнистые камуфляжные штаны, майка, бывшая когда-то черной, но от пота и солнца

ставшая рыжей, бандана на отросших кудрях. Вид вполне мужественный и вызывающий жгучее уважение к самому себе, как у заправского американца.

Ольга была совершенно убеждена, что эта великая нация достигла своих великих высот, потому что каждый ее гражданин, глядя на свое отражение в зеркале, истово и с удовольствием уважал себя — и так на протяжении нескольких столетий.

— Поехали сначала в Евровидение. Сюжет потом, да и снимать нечего.

Со дня на день ожидали штурма Кабула «войсками талибов и моджахедов», но пока не происходило ничего *такого* — по окраинам постреливали не только ночью, но и днем, пыльные БТР время от времени мчались неизвестно куда, и все замирало — началось, не началось?.. А еще Ольга решительно не могла понять, чем отличаются «свои» от «чужих» — те же злые настороженные глаза, те же бороды почти до гладких загорелых лбов, та же гортанная речь.

Говорят, что «чужие» довели страну до ручки. Ольга вовсе не была уверена, что «свои», перехватив инициативу, не доведут страну «до ножки», или до чего они еще могут ее довести, по логике?..

«Ровер», принадлежавший Ники, то есть Би-би-си, всегда стоял в одном и том же месте, прямо за гостиницей, во дворе какого-то странного дома. Он был необитаем и напоминал советский долгострой конца семидесятых, но почему-то считался «безопасным» — почему?.. Впрочем, «ровер» там прекрасно себя чувствовал, с ним никогда ничего не случалось, и Ники каждый раз, встречаясь с ним утром, любовно хлопал его по пыльному крылу, как будто это была не машина, а лошадь.

До корпункта Евровидения было не слишком далеко — если ехать как положено, по улицам, но «как положено» ехать не разрешалось. Надо было в объезд, через несколько КПП, с предъявлением ксив и физиономий. Ксивы предъявлялись в развернутом виде, а физионо-

мии без солнечных очков, и Ольге всегда становилось не по себе, когда в нее впивались темные странные глаза проверяющего.

Мы никогда не найдем общего языка. Никогда. Мечты об этом — утопия. Мы не готовы жить, понимая их, а им нет до нас никакого дела. Нас для них нет. Есть только некая цель — переделать мир так, чтобы он стал похож на Кабул в данную минуту. В этом мире можно будет только одно — воевать, а именно это и есть то, что они умеют и делают лучше всего.

Ужас, сказал бы Ники.

Машину сильно трясло на разбитой дороге. Ники под настроение любил так ездить — «без башки» это называлось на мужском языке. Ольга держалась руками за щиток и думала о посылке — вот интересно, есть там колбаса или нет?! — о разбитой дороге, о том, что снимать нечего, и о Бахрушине, конечно.

Думала примерно так — как он там, без нее? Невозможно было вообразить ничего глупее этого вопроса, но ей почему-то только это шло в голову. Колесо тряслось и прыгало на капоте в такт ее мыслям, серое от грязи. Мысли тоже были какие-то серые. Вчерашний дождь превратил пыль в грязь, зато во дворе гостиницы обнаружили несколько чахлах кустиков с робкими цветочками. Ольга долго на них умилялась.

— Может, связь сегодня восстановится, — пробормотал рядом Ники и вдруг повернул руль, сильно выкрутив кисть, и нажал на тормоз. Ольга чуть не ткнулась лбом в щиток.

— Ты что?!

— Остановка по требованию. Не видишь, что ли?

Ну да, конечно. Первая проверка документов.

Их долго рассматривали, особенно Ольгу — как лошадь или ишака, которого собираются купить на базаре, — пристально, оценивающе, но довольно равнодушно. Все равно ведь не человек, а лошадь или ишак! Какие-то оборванные дети перестали бегать друг за другом,